

— Ну? — поторопил его кельт.

— Мы можем попытаться ее выкупить. Вульффер, сколько у тебя сокровищ на корабле?

— Достаточно, чтобы выкупить знатную девицу, но не сестру Геринта. Она бы стоила половину королевской казны, да к тому же Торлейф — мой старый враг, и он скорее потеряет половину своей дружины, чтобы увидеть мою голову отрубленной, нежели польстится на все золото Геринта и отпустит меня на свободу.

— Но ведь Торлейфу совсем не обязательно знать, что корабль принадлежит тебе. Ведь не знает же он, что его пленница — принцесса Елена. Для него, как и для пиктов, она — Атланта, — сказал Конал. — А теперь слушайте: Вульффер должен присоединиться к экипажу. Командовать будет его заместитель Торфин, Марк будет изображать из себя брата девушки, а я — ее опекуна. Мы скажем, что прибыли ее выкупить, все равно за какую цену, а поскольку мы — британцы и не имеем ни своих кораблей, ни мореходов, то наняли команду викингов.

— Но это будет стоить целого состояния! — воскликнул Вульффер. — Торлейф жаден, как крыса, он сдерет с нас три шкуры!

— И пускай. Геринт заплатит сполна, даже если ты отдашь всю эту ладью с потрохами. Я здесь его представляю и знаю, что он выполнит любое обещание, которое я дам от его имени.

— Я верю тебе, верю, — вздохнул вождь, но мне не нравится этот план, лучше было бы молниеносно напасть на них, с дождем стрел и обнаженными мечами!

— Я предпочел бы то же самое, — согласился Кормак, — но план Конала дает больше шансов на то, что принцесса останется цела и невредима. Ведь если мы застанем их врасплох, они могут убить ее во время неразберихи или паники. Безусловно, если бы Торлейф знал, кого держит в неволе, он бы нас встречал хлебом и пивом, но он не знает, и поэтому скорее согласится на выкуп, чем на потерю кораблей и людей. А если этот план сорвется, можно будет попробовать мой.

— Да, в планах Конала много мудрости, — с грустью признал Вульффер. — Мне придется остаться на корабле, пока вы будете торговаться. Но клянусь, в следующий раз, когда я увижу эту предательскую рожу сына Харди, я его разрублю по самые ребра!

— Я тоже пойду торговаться, — заявил Кормак. — Торлейф не сможет узнать меня с этой бородой.

— Не должен, — согласился Вульффер, — тем более, что он видел тебя лишь мельком, во время боя. Кроме того, если что-то будет не так, я приду к вам на помощь. Рулевой! Курс на Шотландию! Нужно день-два отдохнуть.

Когда они направились к берегам Шотландии, никто из зорких мореходов не заметил «Жриц огня». Там в живых осталось только несколько человек и их едва хватало на управление парусом и рулем. Что было мочи эта ладья поплыла на северо-восток. Никто не заметил и затаившейся в предвечерней мгле другой, маленькой, ладьи — в ней были вооруженные луками низкорослые, темнокожие люди с черными глазами, полными ненависти.

Холодный бриз выстудил воздух и покрыл влагой прибрежные скалы перед поселением Торлейфа, сына Харди; из редкого тумана торчали верхушки деревьев близкого леса. На берегу лежали четыре драккара, а чуть дальше — пятый, шест от него был вбит в песок. От остальной части острова этот берег отгораживала дуга частокола, чуть выше по склону поднимались в небо дымы костров. Около последнего драккара суетилась группа рыжебородых мужчин. Рядом с воротами поселения их было около сотни. В промежутке между людьми у ладьи и людьми у ворот стояли две маленькие группы, которые оживленно дискутировали.

Принесите выкуп, тогда будем говорить, — требовал Торлейф. — И помните, он должен быть большим. Клянусь Одином, это хорошая девка, я с удовольствием оставлю ее у себя, но, может быть, вы меня переубедите с помощью золота.

Кормак внимательно рассматривал Торлейфа, а посмотреть было на что. Это был огромный мужик, еще больше Вульфера, его лицо, на котором лежала печать жестокости, покрывали многочисленные шрамы. Кельт молил бога, чтобы тот не вспомнил, благодаря кому появился самый большой шрам. Борода Кормака была уже густая, и Торлейф пока не давал повода думать, что он узнал его.

— И что для тебя значит эта девка? — спросил он Торлейфа. — Пусть она и благородного происхождения, но ты всегда сможешь украсть для себя другую. Приведи ее нам, и мы дадим тебе золото.

— Сначала золото. Если дадите мало, я ее не отпущу.

— А кто тебе заплатит больше, чем ее брат? — вмешался Конал. — Из своих походов ты привезешь женщин, сколько захочешь, даже из благородных семей, но никто не даст тебе такой цены, как Марк. Ты и сам это хорошо знаешь.

— Да, — подтвердил Марк. — А если ты не согласишься на эту цену, я предложу большую. Но тогда я вернусь с флотом, который очистит остров от пиратов! Клянусь Христом, когда Рим имел власть...

В ответ раздался хохот Торлейфа.

— Рим мертв! — зарычал он. — А на эту землю нога римлянина не ступала даже тогда, когда империя была на вершине своего могущества. Ну, ну... ты, молодой человек, большой наглец... Если ты можешь привести сюда армию, то почему приплыл на этом корабле, да и то в качестве гостя пиратов? Принеси золото, а я оценю, достаточная ли это плата за Атланту и ее служанку.

По знаку Кормака от ладьи отделилась дюжина людей, нагруженных мешками и ящиками.

— Это может быть ловушкой! — закричал кто-то из дружины Торлейфа. — Нас здесь двадцать, а их вместе с теми двенадцатью будет больше.

Торлейф поднял руку, и от ворот двинулась еще одна двадцатка.

Кормак забеспокоился.

— Я узнал твой корабль, — вдруг обратился Торлейф к Торфину. — Это «Ворон» моего врага Вульфера. Как ты добыл его?

— Вульфер был моим вождем, но оскорбил меня, и я убил его в поединке.

Груз уже был доставлен. Викинги высыпали на песок монеты и драгоценности.

— Вот тебе выкуп, достойный принцессы, а не только обычной родовитой девушки. — Это произнес Конал. — Отдай нам Атланту, и разойдемся с миром.

Глаза Торлейфа загорелись при виде такого богатства.

— Пусть будет так, — сказал он.

Кормак почувствовал облегчение, только сейчас он заметил, что среди пришедших только что, была необычайно красивая девушка. Он понял, что это Елена, хотя ее волосы и одежда были в беспорядке, а лицо — отрешенное, как бы погасшее.

— Елена! — Марк не смог сдержаться.

Девушка подняла голову. Ее лицо вдруг изменилось. Прежде чем кто-либо опомнился, она подбежала и бросилась ему в объятия.

— Помоги мне, Марк! Они пытали Марицу, а когда она им все рассказала, они ее убили! А сейчас хотят убить вас! Убегай, Марк, это западня!

Только сейчас Кормак увидел, что к Торлейфу подошли не норманны, а ютты во главе с Хальфгаром Волчьим Клыком. Это были те, кто уцелел на «Жрицах огня».

— Дураки! — радостно вопил Торлейф. — Вы еще не начали свой торг, а я уже знал, кто вы такие. Эти волки плыли днем и ночью, чтобы опередить вас, один из раненых слышал, что вы узнали от его умирающего товарища. Ясное дело, выкуп достоин принцессы, принцессы Елены, сестры Геринта. Не перечьте, от ее служанки я знаю, что это она. Сейчас вы умрете, ты, Кормак Мак Арт, и твой глупый вождь, который спрятался среди команды. И я буду иметь ладью, сокровища, принцессу и голову Вульфера!

Марк обнимал заплаканную девушку и ни на что не обращал внимания. Вдруг до него дошло, что это Торлейф и Хальфгар довели ее до такого состояния. Он выхватил оружие и бросился на Торлейфа, а тот с явным удовольствием парировал удар юноши.

— Ты, дьявол, — кричал легионер, — я вырву твое сердце за то, что ты сделал...

Торлейф уже не шутил: мощным ударом он разрубил меч нападавшего. Марк прыгнул на него с голыми руками, и только меч Кормака, принявший атаку Торлейфа, спас его голову. Он впился ладонями в шею норманна, а тот, хотя был чуть не вдвое больше, зашатался под таким натиском. Он отбросил бесполезный меч и бил Марка огромными кулаками, оба упали на землю, Марк был почти без сознания, но не отпускал шею Торлейфа.

Норманны атаковали. Они оттолкнули Кормака, старавшегося прикрыть Марка, кто-то бросился на него с топором. Он успел принять удар на щит, после чего коротким движением поразил нападавшего. Увидев следующего, бросившегося на Конала, он прыгнул между ними. Норманнский топор задел его плечо.

Вокруг раздавались привычные звуки битвы. Кормак встал. В левой руке еще были остатки щита, испачканные его собственной кровью. В толпе он увидел Торфина. Кельт попытался пробиться к нему и прикрыть отход Марка и Елены. В этот момент кто-то ударил его по ногам, Кормак рухнул на землю. Прежде чем Торлейф бросился на безоружного Марка, Кормак успел вскочить, но, увидев противника, атакующего обломком меча и остатками щита, норманн расхохотался. Кормак увернулся от его удара, но попал на мокрый песок и потерял равновесие. Торлейф снова прицелился, но на этот раз попал в метко подставленный щит, из-за которого смотрели злые глаза Вульфера.

— Ты всегда был трусом, — крикнул викинг. — Так попробуй померится силами с мужами, а не ранеными и женщинами!

Кормак собрался с силами и бросился на помощь Марку. Снова какой-то норманн пытался его задержать, но он по-кошачьи скользнул мимо. Торлейф, сын Харди, рычал и лупил по шлему Вульфера так, что от него сыпались искры. Вульфер покачнулся от одного из таких ударов, а Торлейф бросился его добивать. Но это было не так просто — викинг обрел равновесие и с криком рубанул топором, и удачно — ниже щита, разрубил кольчугу и достал до тела. Ошалевший от боли норманн еще в горячке выбил у него щит, но в ответ лезвие топора викинга рассекло ему шлем и череп до самой челюсти. Торлейф упал на землю.

А битва уже разгоралась: с одной стороны в нее вступила команда «Ворона», с другой — те норманны, которые прятались за частоколом. Кормак и Конал защищали Марка и принцессу.

— Отступайте на корабль! — кричал кельт. — Оставьте золото и опомнитесь! Защищайте принцессу!

Услышав это, викинги задержались и схватились за луки. Многие норманны погибли прежде, чем добежали до поля боя. Постепенно силы сравнялись. Хальфгар с оставшимися юттами отступали, но теперь, имея рядом норманнских союзников, с воплями бросились в атаку. Отряды вновь столкнулись, острия мечей рубили доспехи и тела, трещали кости, и в мгновение ока песок пропитался кровью. Никто не просил и не надеялся на снисхождение. Хальфгар топором убил одного противника, а потом бросился на Конала, который вел перепуганную девушку. Конал хорошо владел мечом, но ему трудно было сопротивляться бешеному натиску, с которым ютландец атаковал его. В конце концов менестрель упал на колени, а противник занес над ним топор для смертельного удара. Кормак бросился спасти его, но находился еще слишком далеко, чтобы предотвратить несчастье. И вдруг кто-то прыгнул на Хальфгара, и оба покатались по земле, сцепившись и беспорядочно нанося друг другу удары. Это был Марк — безоружный, ослепленный гневом.

Кельт увернулся от удара и из-под щита вонзил кинжал в тело врага. Клинок с треском сломался, но уже после того, как сделал свое дело. Кормак поднял оружие убитого и

двинулся к месту, где Марк и Хальфгар все еще дрались врукопашную. Молодой человек явно уступал, а ярость не могла заменить ему силы.

Когда Кормак подбежал к ним, Хальфгар уже вырвался из бешенных объятий Марка и ударил щитом в лицо юноши. Когда он заносил топор для последнего удара, что-то сверкнуло у его ног. Это был медальон принцессы, оборвавшийся с шеи Марка во время борьбы. Это на долю секунды отвлекло Хальфгара. Он наклонился и поднял медальон. Кельту этих мгновений хватило, чтобы атаковать Хальфгара. Мастерский удар меча выбил у него топор и пришелся в шлем, который, хотя и треснул, но спас голову. Хальфгар потерял сознание.

— Скорее на корабль! — кричал Кормак. — Помогите мне отвести Марка!

Первым подоспел Конал с принцессой. Она была бледна, но владела собой. Она помогла менестрелю поднять Марка и повести его к ладье.

Ютты и норманны упали духом, увидев обоих своих вождей поверженными, но, уразумев, что враги отступают к своему кораблю вместе с пленницей и частью выкупа, о котором не забыл предусмотрительный Вульффер, они снова бросились в атаку. И тогда, будто по сигналу, с другой стороны берега, из-за вытащенного на песок «Ворона» до них долетел пронзительный крик, и из леса выбежал еще один отряд норманнов, более многочисленный, чем обе воюющие группы.

— Западня захлопнулась! — крикнул Кормак. — На корабль!

— О Вотан! — взвыл Вульффер, срубив голову очередному противнику. — Сыны викингов, дайте вашим мечам напиться крови!

Когда они пробились к кораблю, оказалось, что убежать уже слишком поздно. У них было лишь время выстроиться в оборонительную линию вокруг носа ладьи, закрываясь стеной щитов и рядом клинков. Люди Торлейфа ринулись на них с обеих сторон. Обороняющиеся сражались с яростью, достойной героев: на каждого их убитого приходилось двое противников. Но врагов было слишком много, и к тому же большая их часть вступила в бой со свежими силами. Численный перевес был трехкратным. На таком малом расстоянии у оборонявшихся не было того преимущества, которое им обычно давали луки, а натиск был столь силен, что даже взобраться на борт драккара казалось совершенно невозможным...

* * *

И вдруг небо содрогнулось — раздался громкий вой тысяч глоток. Сражающиеся замерли от неожиданности. И тут же на них посыпался град стрел, которые летели со всех сторон, внося опустошение в шеренги воюющих. Большинство стрел отскакивало от панцирей и шлемов викингов, но их было так много, что потери все же оказались значительными. Норманны повернулись лицом к новой опасности, а стоящий на небольшом возвышении Кормак увидел, что береге обеих сторон просто потемнел от толп коренастых черноволосых людей... Пикты прекратили обстрел и всей массой бросились на застигнутых врасплох норманнов.

— На борт! — скомандовал Кормак, используя минутное замешательство. — Оттуда можно отбиваться и от пиктов, и от норманнов!

Они взобрались на палубу, а норманны теперь теряли людей, пытаясь защищаться от атакующих со стороны леса пиктов. Второй, но уже более слабый дождь стрел посыпался, когда большая часть команды уже была на палубе. Конал с Кормаком, заслонясь щитами, затащили Елену в люк, не обращая внимания на ее протесты. Она хотела остаться возле Марка. Вульффер втащил раненого на корабль и положил в безопасном месте.

— Меч, — простонал юноша. — Дайте мне меч, чтобы я покарал того, кто осмелился напасть на мою принцессу!

— Хальфгар мертв! — Вульффер попытался смягчить голос. — Я видел, как Кормак его успокоил навеки.

— Он умер слишком быстро! — выкрикнул Марк, стараясь встать. Невольно восхищаясь молодым бриттом, Вульффер мягко, но решительно пресек эти попытки.

Они были уже на корабле и, спрятавшись за щитами, прикрепленными к обоим бортам, взялись за луки. Но нос корабля все еще лежал на песке, и отплыть было невозможно. Норманны, опомнившись, сомкнули ряды. Но поскольку врагов было гораздо больше, они стали отступать к частоколу, в воротах которого уже дрались нападавшие и оставшиеся в селении люди. Пикты яростно атаквали, не обращая никакого внимания на то, что их шкуры и бронза не могли противостоять стали. На каждого убитого норманна приходилось по четыре пикта, но вот за частоколом стал подниматься дым, и это разъярило викингов. Они поняли, что их дома и склады пожирает огонь. Строй заволновался и распался, обезумевшая толпа норманнов хлынула к селению, сметая все на своем пути. За нею следом через разрушенные ворота и поваленный кое-где частокол, двинулась масса пиктов.

Другая волна пиктов подкатилась к драккару, но готовые к этому воины Вульффера встретили их меткими стрелами. Темные воины отступили на опушку леса, куда стрелы не долетали; викинги напряглись в ожидании следующей атаки, но вместо этого над шеренгами пиктов появился белый лоскут, и к ладье приблизилось с полдюжины воинов. Среди них был старик, прямой, как жердь, одетый в длинный балахон с варварскими украшениями из засушенных птичьих голов и черепов зверей.

— Чего вы хотите? — принял на себя ответственность за переговоры Кормак.

— Я Гонар, Верховный Жрец, — ответил старик слегка дребезжащим, но звучным голосом. — Выдайте нам Деву Луны, посвященную Богу Луны, которую ютты украли у нас, или же мы подожжем ваш корабль горящими стрелами.

— Здесь такой нет!

— Мы видели, как вы вносили ее на палубу. Ее привезли к нам с земли, которая лежит на Юге, и она носила Кровавый Камень Луны на золотой цепи. Много лет назад этот камень был украден из святилища на Острове Алтарей, а сейчас Бог Луны присылает его нам обратно — на шее Жертвы!

— Дьяволы ада! — буркнул Конал, немного понимавший язык пиктов. — Марк мне когда-то говорил, что его отец нашел камень на берегу рядом с остатками пиктской лодки...

Услышав это, Кормак вспомнил про драгоценность, которую Хальфгар поднял с земли. Одновременно он отыскал его глазами: тот как раз пытался подняться с песка, по-видимому, удар, нанесенный кельтом, был не слишком силен.

— Дайте нам девушку, которая носит камень! — требовал старик.

— Твой бог выбрал новую жертву, — сообщил ему Кормак, показывая на берег. — Смотри, Гонар, тот, кто встает среди убитых, может тебе пригодиться. Поймай его — и ты узнаешь, кто теперь носит камень Бога Луны.

Старик задумался на минуту, после чего кивнул головой и дал знак окружающим его воинам. Они сразу же подскочили к Хальфгару, и раздались крики радости — все увидели камень, свисающий из-за пояса вождя. Он выхватил кинжал, но воспользоваться им не успел, потому что был повален и крепко связан.

— Уходите же, — крикнул Гонар, — и не возвращайтесь больше, потому что этот остров опять принадлежит пиктам. Слишком долго сводил здесь леса норманнский топор и окверняло воздух норманнское дыхание!

Услышав это, Кормак приказал десятку людей соскочить на берег и упереться плечами в борт ладьи. Киль заскрипел по песку, и драккар закачался на воде под радостные крики команды.

— Этот камень, — крикнул с палубы Кормак, — пришел из Рима. Я видел знак Коринфа, выгравированный на нем!

— Не знак, а кровь жертвы радует Бога Луны, — величественно провозгласил в ответ Гонар.

Весла стали ритмично разбивать воду, и Кормак повернулся к морю. За их спинами викингов на берегу, раздался отчаянный вопль. Видимо, Хальфгар совершенно пришел в

себя и понял, что его ждет. В душе варвара не было места слабости, но все же что-то в ней дрогнуло, когда он вспомнил дикие обычаи пиктов.

* * *

— Что ж, ты был прав, — сказал Вульффер, когда берег превратился в еле заметную полоску на горизонте. — Не следует насмехаться над побежденными. Безусловно, это мои слова побудили Хальфгара добиться мести любой ценой, и в конце концов это стоило мне почти половины команды. Теперь нужно плыть за пополнением домой.

— Хальфгар был псом-предателем и мучителем женщин, — ответил Кормак. — Но он был смелым воином, и я не считаю, что он заслужил смерть на алтаре какого-то божка.

— Развеселите свои сердца, — прервал их Конал, — счастьем принцессы Елены и благородного Марка. Смотрите, даже такой пасмурный день их радость превращает в яркий полдень! А еще подумайте о золоте, которое Геринт заплатит вам за счастливое возвращение своей сестры. Зная его, я думаю, что дело не обойдется простым удвоением первоначальной суммы.

После этих слов он поднял свою старую римскую лиру, тронул струны и запел:

Король в отчаяние впал,
Когда сестру Елену
Презренный пикт в лесу украл.
Как? где? кому? — король не знал —
Спасать сестру из плена.

Но менестрель сказал: «Иди
К свободному костру
И гордых викингов найди,
Где Вульффер с Кормаком вожди,
Они спасут сестру.

Не верил Геринт их мечам,
Но славный Кормак клялся:
«Помочь бессильны боги вам,
Доверься нашим молодцам!»
А Вульффер в битву рвался.

Несется викингов драккар,
Но ютты им грозят.
И разгорелся битвы жар;
Один лишь Вульффера удар —
И Торвальда ждет ад.

К Торлейфу воины плывут—
Принцесса у норманнов —
Ловушка или смерть их ждут,
Но викинги ее спасут,
Бесстрашны и упрямы.

У моря закипает бон,
Киль корабля в крови.
За плачь Елены, за разбой
Торлейф заплатит головой,
Селеньем и людьми.

В домах норманнов на ветру

Огонь и смерть бушуют;
Стервятники на том пиру
Ведут кровавую игру,
И пикты там ликуют.

А счастье смелых чует!..
И возвращенную сестру
Король в слезах целует.

— Клянусь Тором, Конал! — воскликнул Вульффер, обливаясь слезами умиления. — Это песнь, достойная богов! Спой ее еще раз, только не забудь, как я разрубил Торлейфа надвое! Кормак, разве это не замечательная песня?

Кормак смотрел на отдалявшийся берег, над которым поднимался дым догоравшего селения.

— Да, это хорошая песня, хотя она сильно отличается от того, что я сам помню. Не сомневаюсь, что с каждым новым исполнением она будет становиться все красочнее и неправдоподобнее. Да ладно, это не имеет значения, мир тоже меняется, и мы узнаем его по рассказам менестрелей. И может быть, то, что останется благодаря им, будет долговечнее, чем усилия всех властителей и богов вместе взятых!